

Имена и судьбы

Надписи на стенах тюрем Беларуси в период немецкой оккупации

(Окончание. Начало в № 3 за 2014 год)



Алексей ЛИТВИН,
доктор исторических
наук, профессор

Одна из целей появления этой статьи – надежда, что, благодаря обнародованным данным, кто-то сможет узнать о судьбе своих близких и знакомых. Как, например, публикация в газете «Гомельская праўда» от 6 апреля 2013 года помогла найти своего отца жителю Нижнего Новгорода А.Д. Ершову. Андрей Дмитриевич более 70 лет искал сведения об отце, о котором ему было известно, что погиб тот в Гомеле в дулаге № 121. В своем письме автору Ершов написал: «...Большая искренняя признательность Вам за то, что помогли отыскать самые достоверные (архивные) сведения о последних, наверно, часах и минутах моего отца Дмитрия Андреевича Ершова, который семьдесят лет назад послал перед расстрелом в немецком плену прощальную весточку о себе нам, его детям, внукам и правнукам. Он не хотел уходить из жизни безвестным – это такое понятное и естественное чувство любого человека. Теперь его голос наконец-то дошел к тем, к кому он обращался, и кто все семь десятилетий томился и горевал в безвестности о его трагической участи.

В нашей семье бережно сохраняются различные документы об отце, в том числе его письма с фронта (о них отдельный разговор впереди). Родился мой отец 26 октября 1908 г. в селе Константиновка в тогдашней Алма-Атинской области (Казахстан) в крестьянской многодетной семье. Занимались хлебопашеством, работать приходилось много, в том числе и детям. В своих анкетах отец указывал, что у него начальное образование, но на самом деле ему из-за бедности семьи не удалось ни одного дня учиться в школе. По рассказам моей мамы Марии Захаровны, поженились они в 1933 г., в последующем самоучкой по-

стигал азы грамотности (почерк у него был необыкновенной каллиграфической красоты), постепенно в работе продвигался в разных должностях.

Сохранилась трудовая книжка отца (их, как известно, начали выдавать в СССР сельским жителям лишь перед Отечественной войной). Первая запись в ней сделана в начале 1939 года, из которой явствует, что прежний трудовой стаж отца исчисляется с 1924 года. Начинать он с весьма скромной должности районного статистика. Затем два года служил в армии (был в кавалерии, гонял по казахстанским степям басмачей).

До войны существовала в стране такая полувойсковая организация, как ОСОАВИАХИМ – прообраз нынешнего ДОСААФа. Получилось так, что вся последующая жизнь отца оказалась связанной с этой организацией. В Алма-Ате, куда вскоре после моего рождения переехала семья, отец работал сперва инструктором в райсовете ОСОАВИАХИМа, потом перешел в областной совет этой организации, а перед самой войной, что называется, «дорос» до начальника школы ПВХО. 24 июля 1941 года был призван в армию, поначалу попал на Дальний Восток (в стране готовились к войне с Японией), но, когда немцы подступили вплотную к Москве, попал в составе 425 отдельного саперного батальона 413 стрелковой дивизии под Тулу, где, как известно, разворачивались в ту пору тяжёлые, решающие бои за выход к Москве.

Как явствует из писем отца, он попал на фронт в ноябре 1941 г., сообщал, в частности, что «воюет уже две недели, пока ничего с ним не случилось, а мы бьем фашистов...». Правда, сквозь бодрый дух (а в условиях жесткой военной цензуры иначе



ДА 70-ГОДДЗЯ
ВЫЗВАЛЕННЯ
БЕЛАРУСІ

► Узник Гомельской тюрьмы Д.А. Ершов (слева) накануне войны

►► Письма Д.А. Ершова родным с фронта



солдатские письма вообще не дошли бы до адресатов) часто прорывается тревога за судьбу семьи, которая теперь переживает тяготы военного времени. Особенно переживал отец за нас с сестрой Ниной – ей было в то время всего три с лишним года. В одном из писем есть такие строчки: вот скоро закончится война, я вернусь домой, и мы снова заживем вместе... Не суждено было сбыться этой мечте моего отца...» [из архива автора].

Андрей Дмитриевич прислал фотографию отца 1941 года, а также фото своей семьи.

ОБ АВТОРЕ

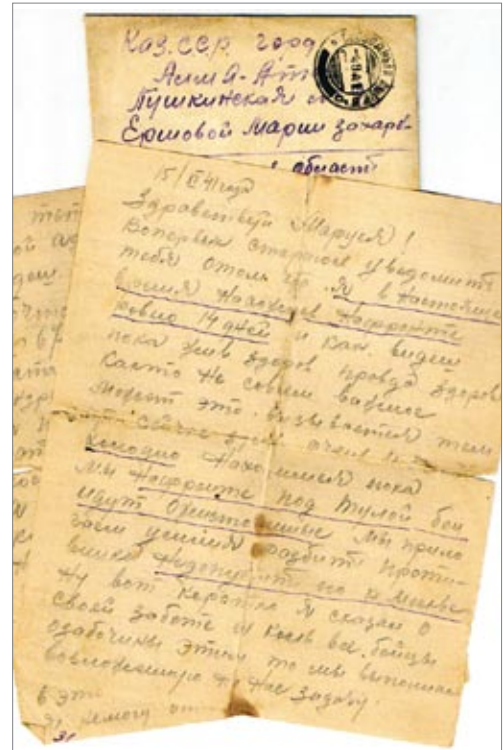
ЛИТВИН Алексей Михайлович.

Родился в 1951 году в д. Семигостичи Столинского района Брестской области. В 1973 году окончил Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина.

В 1973–1975 годах служил во Внутренних войсках МВД СССР. В 1975–1984 годах – старший научный сотрудник Института истории партии при ЦК КПБ. С 1987 года – заведующий отделом истории Беларуси периода Великой Отечественной войны (в настоящее время – отдел военной истории и межгосударственных отношений) Института истории НАН Беларуси. Доктор исторических наук (2000), профессор.

Автор более 200 научных статей, ряда монографий.

Сфера научных интересов: военная история Беларуси периода Первой и Второй мировых войн, военное строительство, проблематика партизанской борьбы и коллаборационизма.



Нашел своего дядю Алексея Калиновича Алексеенко (надпись в камере № 2, корпус № 2) житель Гомеля А.П. Курпенков. Он сообщил автору, что его называли в честь родного брата матери. С раннего детства он слышал рассказы о дяде, уроженце д. Отор Чечерского района, примерно 1918–1919 г.р., в годы войны жившего в родной деревне и имевшего связи с партизанами. Летом 1943 года его и еще четырех подпольщиков арестовали немцы и отвезли в Чечерскую тюрьму. Об их дальнейшей судьбе ничего не было известно. В деревне говорили, что у дяди была рация, с помощью которой передавались сведения в Москву.

А.П. Курпенков связал нас с Анной Ефимовной Пиляк (Шльковой), которая сообщила некоторые факты о семье А.П. Пастушенко (надпись в камере № 2, корпус 2): «Когда началась война, мне было 18 лет. Я с родителями проживала в д. Отор. Пастушенко жили в нескольких домах от нас. Андрей Петрович дружил с моими старшими братьями Алексеем (пропал без вести на фронте, перед войной служил в воздушно-десантных войсках в Москве) и Егором (с войны пришел инвалидом, без ноги. Работал учителем под Минском). Пастушенко был намного старше меня. Где он работал до войны, я

не знаю. Может, и в Гомеле. Знаю, что у него была жена Рая и двое очень красивых детей: мальчик Леня и девочка (имени не помню). Рая была еврейкой. Они во время оккупации жили в деревне, однако никто [на них] не донес. Раю арестовали перед приходом Красной армии. Кого еще арестовали тогда из жителей деревни, я не знаю [из архива автора].

Поиск сведений по гомельской тюрьме продолжается.

28 июня 1944 года войсками 2-го Белорусского фронта был освобожден Могилев. В камерах местной тюрьмы обнаружили трупы расстрелянных советских людей. Стены камер были испещрены надписями, многие из которых от времени стерлись, их нельзя было прочесть. Среди тех, кто первым после освобождения города увидел их, были военные корреспонденты «Комсомольской правды» майоры М. Камышев и Г. Куприянов, опубликовавшие в газете от 26 июля 1944 года статью «О чем рассказывают стены». В ней в эмоциональной форме говорилось о посещении корреспондентами тюрьмы, приводились некоторые из обнаруженных надписей, оставленные в период с сентября 1941 по 28 июня 1944 года. В газете были помещены фотокопии (фотоколлаж) надписей.

В Витебске действовала городская тюрьма при городской управе, где содержались в основном лица, арестованные за криминальные преступления, а также тюрьма СД, куда нацисты бросали граждан, обвиняемых в преступлениях против «нового порядка». В книге поступлений витебской городской тюрьмы по Суражскому шоссе за 13 ноября 1942 года есть запись, что в этот день из 2-го отдела полиции прибыли: Клавдия Болдачева, Василий Воробьев, Анна Корнилова, Антонина Заско, Мария Воробьева, Агафья Воробьева, Анна Васильева и Мария Петровская. Здесь они пробыли пять дней, а затем 18 ноября 1942 года все были переданы в СД на Успенку.

Известно, что под именем Анны Корниловой скрывалась легендарная белорусская подпольщица Вера Захаровна Хоружая, под именем Антонины Заско – ее соратница по подполью в Западной Беларуси Софья Сергеевна Панкова, а под именем Марии Петровской – подпольщица Евдокия Суранова. Известно также, что все они были арестованы по доносу Анны Васильевой, невестки

Марии Воробьевой. В тот день, 13 ноября, партизанская связная Клавдия Болдачева (Шадурская, «Береза») привела в Витебск на квартиру Воробьевых из партизанской зоны для встречи с Верой Хоружей члена ее московской группы Софью Панкову [1, с. 95]. Была арестована и Анна Васильева (чтобы отвести подозрения), которая на допросах рассказала все, что знала о подпольщиках.

Утром 4 декабря 1942 года все они, за исключением выпущенной из тюрьмы А. Васильевой, были расстреляны в лагере военнопленных на территории бывшего 5-го железнодорожного полка. В лагере была большая смертность, и там все время находились открытыми свежерыкопаные ямы для захоронения трупов.

«...Нелегко найти свидетелей последних часов жизни этих замечательных советских патриотов. Из кровавых застенков СД на Успенке живыми выходили немногие. Правда, еще до освобождения Витебска от немецко-фашистских захватчиков подпольным горкомом партии предпринимались попытки выяснить время и обстоятельства гибели В.З. Хоружей» [1, с. 95].

Тогда удалось установить, что 4 декабря 1942 года на рассвете из одной камеры было взято сразу двадцать пять человек, в том числе связная Клавдия Болдачева и семья Воробьевых. Обрато в камеру никто из них не вернулся. Подробностей гибели Веры Хоружей установить не удалось. Но рассказ одного очевидца заслуживает внимания.

«...2 декабря 1942 года в лапы фашистов попала Аня Киташева, разведчица армейской разведгруппы П.В. Будкевича. 3 декабря ее бросили в одну из камер в подвалах СД на Успенской горке. Камеру окутывал полнейший мрак. Лишь изредка вспыхивала тусклая лампочка, когда кого-то вызывали на допрос или приносили тюремную баланду. В эти минуты можно было рассмотреть своих соседей, выбрать более удобное местечко. Из обитателей камеры внимание Ани Киташевой привлекла женщина, которую называли учительницей. Ее мужеством и выносливостью восхищались все, хотя она ни с кем и ни о чем не говорила. За полутора суток, проведенных А.С. Киташевой в этой группе заключенных, «учительница» не произнесла ни одного слова.

В ночь перед казнью она лежала молча и только время от времени тихо стонала. Все

ее тело и ноги были в садинах и синяках, лицо опухло до неузнаваемости. Подняться она не могла, часто просила пить. Воду в консервной банке ей подавала подруга, одетая во все темное, с черными короткими волосами и редкими зубами. «Учительница» была женщиной средних лет, очень худой, с тонкой длинной шеей. Волосы у нее были светлые, короткие, с легкими завитушками на лбу. Одетая в темную юбку и желтоватую кофточку. Подруга выглядела старше, но выделялась своей подвижностью, несмотря на следы серьезных побоев.

4 декабря 1942 года, примерно в пять-шесть часов утра, на пороге камеры появились жандармы с собакой. Все стали подниматься. Поднялась и «учительница». С помощью подруги она встала на ноги и что-то шепнула ей. Та метнулась зачем-то к стенке, но в это время гитлеровец ударил «учительницу» дубинкой, и подруга быстро вернулась назад, чтобы поддержать ее. Возможно, это была попытка оставить на стене память о себе, но было уже поздно. Начали вызывать по фамилиям и по одному быстро выводить во двор. Камера опустела. В ней остался единственный обитатель, брошенный сюда накануне – Аня Киташева. Когда щелкнул замок, ее охватил ужас. Она принялась стучать в дверь и кричать: «Заберите и меня!» Вскоре всех оставшихся в камерах узников вызвали в коридор и заставили сортировать одежду, сваленную тут же в огромную кучу. Среди многочисленных вещей А.С. Киташева обнаружила знакомую одежду, в том числе бусы женщины, сидевшей с ней рядом в камере. Судьба забраных утром людей не вызвала сомнений. Судя по количеству одежды, похоже, что в тот день состоялась «генеральная» чистка подвалов СД, гитлеровцы уничтожили большое количество советских патриотов.

Анализируя факты, сопоставляя детали, учитывая время и место действия, поведение «учительницы», одежду и внешние признаки патриотов, можно утверждать, что в числе расстрелянных были Вера Захаровна Хоружая и Софья Сергеевна Панкова. В тот же день фашисты расстреляли Воробьевых, Клавдию Болдачеву и Дусю Суранову» [1].

На стенах камер тюрьмы гестапо в Витебске были обнаружены надписи. Возможно, одна из них в камере № 3 свидетельствует о том, что здесь находилась В.З. Хоружая [2, с. 33–38].

14 июля 1944 года войсками 89-го стрелкового корпуса 61-й армии 1-го Белорусского фронта и моряками Днепровской военной флотилии был освобожден Пинск. Через день в газете «Боевой призыв», печатном органе 61-й армии, в номере от 16 июля опубликовали корреспонденцию А. Валерина и М. Николаева «Камера № 6», в которой было рассказано о пинской тюрьме (существовала в 1942–1944 годах).

«На Брестской улице в Пинске стоит хмурое двухэтажное здание городской тюрьмы. Темные глазницы узких окон забиты решетками. Высокий забор обнесен тремя рядами проволочной колючки. Во двор тюрьмы ведут массивные, окованные железом ворота. Двор пуст, только посреди вытоптана трава по кругу. Сюда выводили немцы на пятиминутную прогулку своих узников.

В нижнем этаже тюрьмы расположена камера № 6. Страшную историю этой камеры поведали нам надписи на ее стенах и жители освобожденного города.

Не только в Пинске, но и в его окрестностях жители с ужасом вспоминают «шестерку» городской тюрьмы. Это камера смертников. Ни один попавший сюда не оставался в живых. Стоило по тюремным камерам распространиться слуху, что заключенного перевели в «шестерку», как становилось ясно, что ночью он будет вывезен за город и расстрелян.

Сколько предсмертных мук и тоски, боли и мужества хранят мрачные своды камеры № 6. Из окна виден только кусочек неба да тюремного двора. Размеры застенка 8 шагов в длину и 6 в ширину. За поведением заключенного из-за тяжелой двери неусыпно наблюдает в крохотный «волчок» немецкий тюремщик. Стены камеры испещрены многочисленными предсмертными надписями. Слова нацарапаны на стенах ногтем, огрызками карандашей.

«Здесь сидел за побег Хмарун С.Л., военнопленный, Гомельской обл., Речицкого р-на, дер. Святые».

«Здесь сидели военнопленные, 50 человек. Работали по эвакуации отступающей немецкой армии».

Можно себе представить судьбу этих 50 военнопленных. Решив отделаться от лишних свидетелей поспешного бегства из Пинска, гитлеровцы заперли русских военнопленных в камеру № 6, а ночью увезли за город и зверски расстреляли.

«Пишу в темноте. 9 июля. Деваться некуда. Жду момента. Жора».

Нам рассказали печальную историю белорусского юноши Жоры (фамилию его так и не удалось установить). Обвиненный в связях с партизанами, Жора был схвачен и посажен в камеру № 6. Трое суток немецкие палачи жестоко мучили юношу, пытаясь выведать от него сведения о партизанах. Накануне бегства немцев из Пинска Жора исчез из камеры смертников.

Камерами смерти, пытками и расстрелами за стенами городской тюрьмы гитлеровские мерзавцы пытались заставить жителей Пинска безропотно служить немцам. Но кровь и слезы пинчан, мучения военнопленных еще больше разжигали лютую ненависть жителей города к фашистским захватчикам» [3, с. 302].

Как видим, корреспонденция не отличается особой информативностью. Журналистами названа только одна фамилия и одно имя. Мы попробовали искать военнопленного С.Л. Хмаруна. В книге «Памяць» в списке жертв войны – воинов Красной армии среди 77 погибших и пропавших без вести жителей д. Святое (сейчас Первомайск) Речицкого района значатся:

1. Хмарун Осип Матвеевич, р. в 1912, ряд. 1067 сп 311 сд, погиб 7.3.1945 при освобождении Германии.

2. Хмарун Григорий Никитович, ряд. Пропал без вести [4, с. 457].

Сведений о С.Л. Хмаруне не обнаружено.

Интересно, что сведения о С.Л. Хмаруне не попали в список скопированных надписей тюрьмы, отправленных в Москву.

ТЮРЬМА г. ПИНСКА, УНКВД ПИНСКОЙ ОБЛ., БССР

Мушенов Денис Черниговской области, Островского района.

Товарищи наша жизнь пропадает 1943 г. ноября сижу в тюрьме завтра везут в Германию Кочак Авшиев Алинерола Каз. ССР, Актюбинская область, Чинский район.

Замковец Николай арестован 1 мая.

Бержник Николай за сопротивление немецким властям. Омская область, Среднеобульжинский район, село П.

С 10 марта 1944 г. Нестеров Василий сидел за убийство казака.

Жуков Яков 1908 года рождения.

Кляк Адам Ульянович.

Климов Григорий Тарасович.

Авдеенко Алексей Николаевич, гор. Ростов-на-Дону, спуск Розы Люксембург, дом № 7, сидел в Пинской тюрьме с 9 ноября 1943 года.

Король Петр Яковлевич, попал в плен 17 марта 1944 года.

Петр Кравцев за пьянку гор. Гомель.

Везут из тюрьмы в Германию 4 хлопцев: Минчух Т., Пилет Ф., Кумьбеда Ф., Палто Иван, Пинской области, Ивановский район д. Кривицы, попали через Хамока.

Козинец Павел, гор. Пятихатка, Днепропетровской области, 1942 года.

Хищенко Алексей уводят в Германию март 1943 г.

Новар К.Я., 23 февраля 1943 г.

Наумович Алексей Кириллович арестован 26 января 1944 года, через Бугая Марка и Болдея Ивана.

Орабинник.

Сайков В.П. арестован 31 декабря 1943 г.

24 февраля 1944 г. Хабаров Сергей Георгиевич, Сталинградской обл., Урюпинский район, хутор Расоевск (г. Урюпинск).

Сидело 13 пленных красноармейцев с 14 марта 1944 г. по 5 апреля 1944 г. [5; 6].

20 июля 1944 года войсками 212-й стрелковой (командир полковник В.Г. Кучинев) и 12-й гвардейской (командир полковник Д.К. Мальков) дивизий 9-го гвардейского стрелкового корпуса (командир генерал-майор М.А. Попов) 61-й армии 1-го Белорусского фронта (командующий генерал-армии К.К. Рокоссовский) в ходе Люблин-Брестской операции был освобожден Кобрин.

Во дворе тюрьмы внимание бойцов привлекла большая клумба с цветами. Оказалось, что таким образом была замаскирована глубокая яма, заполненная телами замученных женщин и детей.

В этот же день на стенах камер кобринской тюрьмы по ул. Советской бойцы и работники ТУ НКВД обнаружили надписи, которые были скопированы и посланы в Москву. Приведем полностью текст этого документа, содержавшегося долгие годы в папке с грифом «Секретно»:

«К а м е р а № 1.

Савчук Ульяна дер. Раковичи, Кобринского района, сидела 7 недель.

Тарас Ольга и Тарас Липа, город Кобрин, ул. Торчанская, сидели 7 недель.

К а м е р а № 2.

Лукшук Петр дер. Стрисосьюво, Кобринского района.

Чабай Федор вывезен на работу в Германию 29 апреля 1944 г.

К а м е р а № 3.

Гриштафевич уехал на работу.

К а м е р а № 4.

Горинюк Василий 1923 г. рождения, дер. Запруды, Кобринского района, сидел 19 марта 1944 г.

К а м е р а № 5.

Микитюк Михаил арестован 18 марта 1944 г.

Тоталчук Николай арестован 11 февраля 1944 г.

Иванюк Павел сидел в январе.

Комиссарук Павел сидел 17 января 1944 г.

К а м е р а № 6.

Грицюк Николай расстрелян.

Скалев Ефим расстрелян 13 июля 1944 г.

Горынюк Василий выехал в Германию 19 марта 1944 г.

Тунчик Павел расстрелян 13 марта 1944 г.

Тунчик Иван расстрелян 13 марта 1944 г.

Сиротик Фома выехал в Германию 26 марта 1944 г.

Литвинюк Ефим выехал в Германию 28 марта 1944 г.

Гиситич Иван ушел домой.

Максимук Ефим выехал в Германию 28 марта 1944 г.

Ющик Владимир расстрелян 13 апреля 1944 г., четверг.

К а м е р а № 9.

Фомин А.А.

Лясковский.

К а м е р а № 11.

Сутырин Анатолий Николаевич, рождения 1925 г. в гор. Астрахань попал в плен 1944 г. в тюрьме м-ц под Жлобином от Бобруйска 15 км. Сидел за партизан с 9 февраля 1944 г.

С а н ч а с т ь.

Мазаник Вера и Гурина Маня дер. Новоселки, Кобринского района.

Козлович Таня, Козлович Маня, Козлович Зофия, дер. Запруды, Кобринского района выехали в Германию».

Из представленного списка ведомство Никольского разыскивало Василия Горинюка, так как на него имелись более полные установочные данные. Обратим внима-

ние на то, что его имя было обозначено на стенах двух камер: 4-й и 6-й. Скорее всего, что надпись в камере № 4: «Горинюк Василий, 1923 г.р. д. Запруды Кобринского р-на. Сидел 19.III.1944 г.» оставил он сам. А надпись в камере № 6: «Горынюк Василий выехал в Германию 19 марта 1944 г.» сделал знавший его человек.

На соответствующий запрос из ведомства Никольского начальник Кобринского РО НКГБ капитан госбезопасности Захаров 24 марта 1945 года дал письменный ответ следующего содержания:

«На Ваш запрос № 30/0 3912 сообщаем, что проверяемый Вами Горинюк Василий, во время немецкой оккупации Кобринского района являлся связным партизанского отряда имени Маленкова бригады имени Чапаева, за что был арестован немецкой полицией. В данное время его место жительства нам не известно. Компрометирующими материалами Кобринский РО НКГБ не располагает.

Приложение: Справка сельсовета.

Справка

1.П.45. Дана настоящая в том, что гражданин Горинюк Василий работал связным партизанского отряда имени Маленкова бригады имени Чапаева и др. партизанских отрядов за что был арестован Гетно (не читается, возможно гестапо или ГФП. – А.Л.), которые находились в д. Запруды, вместе с братом и отцом, с февраля 1944. До настоящего времени Краснолесский с/с об нем ничего не знает что и удостоверяется.

Председатель Вакульчик

Секретарь Ков (подпись)» [7, л. 74].

Из ответа видно, что и начальство РО НКВД, и сельсоветское начальство к Горинюку Василию относились положительно, как к советскому патриоту.

Как сложилась дальнейшая судьба Горинюка Василия, а также его отца и брата, неизвестно. Можно предположить, что отца Василия также звали Василий. В таком случае надпись в камере № 6, возможно, относится к нему?

В книге «Памяць» Кобринского района имя Горинюк Василий, 1923 г.р., не встречается, нет о нем сведений и в картотеке партизан и подпольщиков Беларуси. Не обращался он в послевоенное время в НАРБ за справкой об его участии в партизанском движении. Возможно, его в Германии осво-

бодила Красная армия и он был призван на фронт. Если он остался в живых, то партизанские документы ему были ни к чему. Поэтому и не обращался в архив? Но не исключен и другой вариант. Он мог иметь партизанские документы периода войны, на основании которых выдавались на местах партизанские удостоверения. Как мог и погибнуть на принудительных работах, пропасть без вести на фронте...

В архиве хранятся дела с надписями, а также материалами проверки белорусов и уроженцев Беларуси, оставивших свои надписи в тюрьмах за пределами нашей страны: Вильнюса (Литва), Вентспилса (Латвия), Смоленска (Россия), Винницы, Дрогобыча, Черкасс (Украина).

Вильнюс. Тюрьма № 2 НКВД. Камера № 129:

«Гор. Минск, Студенческая, 28. Кв. 11. партизан Саулит Юра. Сидел с 9.X.43 по 28.02.44» [7, л. 17, 55].

Оперотдел ТУ искал Ю. Саулита. 17 марта 1945 года из Москвы в Минск поступил соответствующий запрос, на который 5 апреля 1945 года за подписями заместителя начальника 2-го управления НКГБ БССР майора ГБ Лаврова и начальника 3-го отделения 2-го управления НКГБ БССР капитана ГБ Крылова поступил следующий ответ:

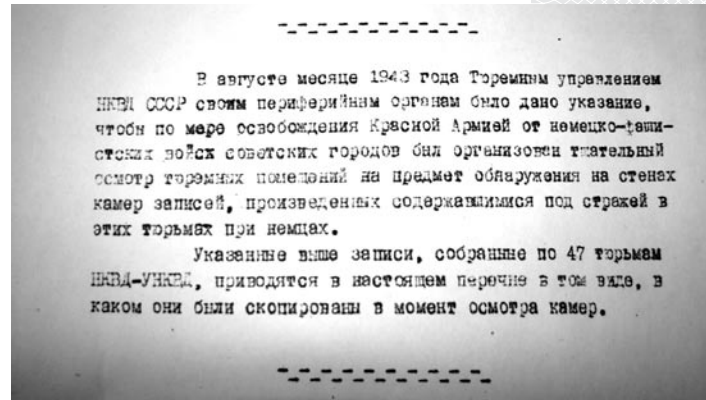
«Согласно Вашего запроса сообщая, что проверяемый Вами Саулит Юрий в городе Минске по ул. Студенческой в д. 28 не проживал и не проживает. На жительстве в Минске последний не установлен» [7, л. 17, 55].

В камере № 104 обнаружена надпись: *«Здесь сидели три инвалида последней мировой войны, потеряли ноги: один русский, белорус, осетин. Были ранены в немецкой армии. Сидели в ожидании приговора военного суда. Арестованы 16.V.1944. Руссанов Мих. Павл., 1922 г.р., Юго-Осетинская обл., г. Сталиногорск ул. Армянская 36.*

Мишин – сибиряк. Акулич Ф. Белорус» [8, л. 54].

Надпись, несомненно, вызывает ряд вопросов. Кто эти люди? Что значит: были ранены в немецкой армии? Служили, являлись «хиви», почему ожидали приговора военного суда?

Видимо, кому-то очень накипело оставить на стене камеры № 9 тюрьмы г. Вильнюса надпись: *«Здесь есть шляхта с Подбродья, Новицкий Алекс – убийца над евреями, бандит» [7, л. 18 об.].*



На тюремной стене г. Вентспилса (Латвия) оставлена надпись нашим земляком, сведения о котором мы узнали из материалов переписки ТУ с местными органами:

«Начальнику Управления НКГБ по Ленинградской области генерал-лейтенанту Кубаткину. После освобождения г. Вентспилс Латвийской ССР на стене камеры Вентспилской тюрьмы была обнаружена надпись оставленная Маслаковым П., содержащимся в этой тюрьме при немцах: «Здесь сидел из Ленинграда Смольнинского р-на, ул. Лафоника д. № 1а, кв. 5 Маслаков Петр, за поднятие листовки». Проверкой по указанному адресу установлено, что Маслаков Петр Артемович, 1903 г.р., уроженец д. Лебедянка, Бельничского района, Могилевской области проживал в Ленинграде по Лафонской улице д. 1а, кв.5 и работал агентом в Ленинградском госэсрмитаже. 29.VII.1941г. выбыл в Красную Армию, с тех пор домой не возвращался и никаких известий от него не было.

Ориентируя Вас об изложенном, просим в случае появления Маслакова в Ленинградской области установить за ним агентурное наблюдение на предмет обстоятельств, при которых он оказался на территории временно оккупированной немцами, когда и за что ими был арестован и заключен в Вентспилскую тюрьму и каким путем освобожден из-под стражи.

30.07.1945 г. Начальник Тюремного управления НКВД СССР генерал-майор Никольский

Начальник оперотдела полковник Ильин» [9, л. 148].

Поиски оказались безуспешными. Свидетельством является следующий документ:

«Управление НКГБ по Ленинградской области Оперотдел. Агентурная записка.

По сведениям полученным в доме: от Маслакова П.А. с начала призыва в Красную Армию известий никаких нет и где он находится не известно.

Ст. оперуполномоченный 4-го оперотдела УНКГБ ЛО капитан ГБ Иванов» [9, л. 152].

Тюрьма города Смоленска, УНКВД Смоленской области. Корпус 2. Камера № 13.

«Серебряков (в других списках Серяков. – А.Л.) Николай, г. Вольск. Сидел с 31 августа] 1943. Колхозная, 12. Расстрелян. Родился в Минске в 1926 г. 28 июня. Осталась: мать Грязнова Валентина» [7, л. 3–3 об.]. Можно предположить, что Николай Серебряков (Серяков) до войны проживал в г. Минске по ул. Колхозная, 12.

В этой же тюрьме, на 2-м этаже, левая сторона, одна из надписей свидетельствует о том, что здесь: «Сидел Гилавинский за побег из Цывинского лагеря с 1 октября Могилевская область, Кричевский р-н, Костюшковская волость, д[еревня] Московская».

Надпись в камере № 84 (Американка, 1-й этаж) сообщает, что «Наливкин Иван, 1916 г. рождения, попал в тюрьму в 1943 г., август, просидел 8 суток. Перебросили в Оршу». Надпись, скорее всего, оставил Наливкин, а тот, кто знал, что его перебросили в Оршу.

Два наших земляка оставили свои надписи в тюрьме г. Дрогобыча (Украина).

В камере № 10 (1-й коридор 3-го корпуса) надпись оставил гомельчанин Илья Леусов. «В этой тюрьме жил в/п с 11. XII. 1943 г. по 1944 Леусов Илья, Гомель, Госпитальная, 13, попал в 1943 г. Братцы красн/оармей-

цы/ мы перед эвакуацией. Немец нас тут держал голодными. 12.IV.1944». Проверкой по указанному адресу было установлено, что Леусов проживал вместе с семьей и в 1941 году эвакуировался неизвестно куда [10, л. 258].

А вот какую информацию о себе оставил М.И. Вузоленков (Кузоленков? – А.Л.) на стене камеры № 7: «25 марта 1942 года попал в плен под Харьковом Вузоленков (в другом варианте списка Кузоленков пишется как Вузоленков. – А.Л.) Михаил Иванович, БССР, Могилевской обл., Дрыбинский район, Коровчинский с[ель]сов[ет], дер[евня] Посуй: 1) тюрьма Харьков, 2) тюрьма Кировоград, 3) тюрьма Дрогобыч» [10, л. 258].

Надпись на стене в камере № 14 тюрьмы № 3 в г. Черкассы свидетельствует: «Тут сидел Высоцкий Владимир Васильевич с 4.IX.43 за побег из немецкого плена и получил пулю в лоб. Прощайте друзья и зн/акомые/. Ухожу на покой своей души. Семья: Минская обл., Борисовский район, д. Шебанки. Прощайте. Высоцкий» [8, л. 151]. Надпись обнаружена 27 декабря 1943 года. На запрос Никольского 18 апреля 1945 года поступил ответ за подписью начальника Борисовского ГО НКВД: «Высоцкий Владимир Васильевич в д. Шабаньки не проживал и не проживает. Знающих о его местонахождении нами не установлено» [9, л. 98].

30 мая 1945 года начальник Борисовского ГО НКГБ сообщил, что «проверяемый Вами Высоцкий В.В. по оперучетам ГО НКГБ не значится, компрометирующими материалами не располагаем» [9, л. 99].

Автор этой статьи первым из белорусских историков ознакомился с рассекреченными документами Тюремного управления НКВД СССР, в которых содержится информация о надписях, оставленных узниками гитлеровских тюрем на временно захваченной территории Советского Союза.

Выявлен большой эпиграфический материал, являющийся весьма ценным источником как по истории антифашистского сопротивления, так и по истории нацистского оккупационного режима, а также – военной повседневности. Однако предстоит еще большая и кропотливая поисковая и источниковедческая работа по поиску сведений о лицах, оставивших надписи. Долг историка постараться это сделать. Цель будет достигнута, даже если одно доброе имя истинного патриота будет восстановлено. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Пахомов Н.И., Дорофеенко Н.И., Дорофеенко Н.В. Витебское подполье / Н.И. Пахомов, Н.И. Дорофеенко, Н.В. Дорофеенко. – Минск: Беларусь, 1974. – 224 с.
2. Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: акупацыя і вызваленне: фотаальбом / УК «Віцебскі абласны краязнаўчы музей»; укладальнікі: Я.А. Грэбень, В.М. Давідоўская, А.М. Дулаў, Г.У. Савіцкі. – Віцебск: Віцебская абласная друкарня, 2011. – 63 с.
3. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Пінска. – Мінск: БЕЛТА, 1998.
4. Памяць: Гіст.-дакум.хроніка Рэчыцкага раёна: у 2 кн. – Кн.1. – Мінск: Беларусь, 1998.
5. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБрО). – Фонд 2742. – Оп. 1. – Д. 1–5.
6. ГАБрО. – Фонд 2135. – Оп. 1. – Д. 504, 715, 716.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Фонд 9413. – Оп. 1. – Д. 53.
8. ГАРФ. – Фонд 9413. – Оп. 1. – Д. 52.
9. ГАРФ. – Фонд 9413. – Оп. 1. – Д. 66.
10. ГАРФ. – Фонд 9413. – Оп. 1. – Д. 65.